

УЛЪЯНА ГРИНЬ

КНЯЖЬЯ ТРАВНИЦА - 2
Вереск НА *камнях*

Ульяна Гринь

Княжья травница –

2. Вереск на камнях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69786037
0101

Аннотация

Подведём итоги! Замуж я вышла, любимого вылечила. Спасла население Златограда. Обзавелась верблюдом, котом и щенком. Жизнь можно считать устроенной?

Как бы не так!

Каменный город, который мы нашли по пути на юг, показался мне слишком загадочным. Люди и лошади устали, так что решено: мы остаёмся здесь. Вода в реке есть, пастбища вокруг – не окинуть взглядом, и строить ничего не надо. Скоро зацветёт вереск...

Но воздух пахнет опасностью, и мне страшно. Не за себя – за наследника вересковых камней.

Содержание

Глава 1. Долгий путь всегда куда-нибудь приводит	4
Глава 2. Надёжная защита	21
Глава 3. Чистые и нечистые	37
Глава 4. Что творится в этом городе?!	51
Глава 5. Вересковая пустошь	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Княжья травница –

2. Вереск на камнях

Автор: Ульяна Гринь

Глава 1. Долгий путь всегда куда-нибудь приводит

Март 3 число

– Я устала... Когда привал? У меня болят ноги. Я замёрзла-а-а...

– Не ной, – тихо сказала я верблюдице. Уже в сотый раз. За сегодняшний долгий день.

– Когда прива-ал...

Вздохнув, я покрепче закуталась в подбитый мехом плащ. Лес всё не кончался, а наш обоз тянулся нескончаемой вереницей через просеку, которую словно вырубил великан-перфекционист. По обе стороны широкой дороги стояли деревья – сплошной стеной, высокие, вековые. Кому нужно было прореживать лес с севера на юг, я не знала. Но этот лес был огромным, объезжать его было бы очень долго. Поэтому – спасибо незнакомому великану.

Я скосила взгляд на повозку рядом. Старик был болен.

Его старуха ещё держалась, хлопоча о муже. Я подумала, что она умрёт, когда умрёт он. У меня ещё остались травы от его слабого сердца, но скоро нужно будет добывать новые. В этих лесах нет всех нужных трав. А вот на этой повозке кашляет ребёнок. Насколько я могла судить без рентгена, у малыша пневмония. Каждый вечер на привале я делаю ему массаж грудной клетки, пытаюсь убрать воспаление, расширяю забитые мокротой бронхи, но этого мало. Нужно тепло, жаркий очаг, чистая одежда, чай и постель. А пока я могу предложить этому ребёнку только тряскую повозку и тулуп из волчьей шкуры...

За три месяца наши три сотни человек превратились в двести девяносто шесть. Трое дружинников погибли в схватке с медведем, волками и древним исполинским лосем. Бер не смог обуздать зверьё – он слабел на глазах. Умерла древняя старуха, и мы похоронили её, даже не плача – настолько она была стара. Скончалась и ещё одна женщина, которую я не смогла спасти – у неё открылось такое сильное кровотечение, что ни мои руки, ни травы не успели вовремя. Но она родила крепкого и здорового мальчишку, первого ребёнка с того момента, как мы покинули Златоград. Итого минус пять и плюс один.

Но сколько ещё будет длиться наше путешествие?

– Я уста-а-ала!

– Асель, замолчи, пожалуйста, – попросила я, спрыгивая с седла в вязкую грязь. Дожди закончились два дня назад,

но земля ещё не просохла. Конечно, лошадям и верблюдам тяжело. Но не тяжелее, чем людям.

– Взять тебя в седло, Руда?

– Как-нибудь обойдусь! – бросила я вверх. – Схожу в лес, поищу травы.

– Своенравная княгиня, – буркнул Ратмир с нежностью во взгляде, а потом посвистел: – Буран! Буран!

Рыжий пёс вынырнул из-под брюха лошади и потрусил рядом с князем. Я невесомо потрепала его по мокрой холке, и Буран чихнул:

– Когда привал? Я жрать хочу!

– Я давно у неё спрашиваю, – повернула к нам горделивую голову Асель, продолжая месить грязь широкими мозолистыми ногами. – А она говорит: «Не ной».

– Пошли, Буран, посмотрим, что там впереди, – сказала я громко, но совсем не для Бурана. – И, если найдём подходящую поляну, остановимся на день и ночь. Людям и животным нужно отдохнуть.

– Согласен, – коротко ответил Ратмир и помахал дружинникам. Некоторые из них ускорили шаг лошадей и догнали нас. Князь приказал: – Следуйте за княгиней и охраняйте её. Ищите место для длительной стоянки.

– Здесь сплошная грязь, – ответил Тишило, парень с порванной ноздрёй, и с досадой сплюнул в примятую траву.

– Вот и найдите место без грязи, – спокойно сказал Ратмир.

– Айда, мальчики, – усмехнулась я. – Раньше сядем – раньше выйдем.

Сапоги утопали в жидкой земле, плащ волочился по ней же, и мне пришлось подобрать его и заткнуть за пояс. Я чувствовала себя ужасающе грязной, липкой и вонючей... Мне хотелось в ванну, в баню, да хоть в реку! Отмыться, оттереться, надеть свежую рубаху, свежее, пахнущее мятой и пижмой платье, заколоть скрипящие от чистоты волосы в пучок, чтобы не лезли в глаза! Но баня пока была роскошью. Зато, когда обоснуемся на новом месте, я прослежу, чтобы первым делом поставили сруб бани...

Плотная стена леса тянулась и тянулась, я шагала и шагала, упрямо меся землю ногами, и уже отчаялась увидеть хоть что-нибудь вместо этого чёртова леса. Караван остался позади, лошади дружинников вяло плелись едва ли быстрее меня, Буран рыскал на опушке, вынюхивая и высматривая дичь. Я устала... Я так устала от этого пути! Может, зря мы покинули Златоград?

Упаднические мысли то и дело посещали меня. Особенно во время стоянок, когда я видела умученных людей и их косые взгляды, слышала их шёпот, когда они переговаривались между собой. Они сомневались. Прошло два месяца, мы сделали больше двух тысяч километров и сейчас должны были находиться где-то в средней полосе России. Приблизительно, конечно. Карта Ратмира не показывала ничего ниже Уральских гор, а мы оставили их далеко позади... Где-то

здесь должны быть реки, озёра, хоть какая-то большая вода. Где-то здесь должна быть Волга!

Ближайшая ко мне лошадь вздохнула с неожиданной надеждой:

– Вода...

– Что? – от неожиданности спросила я. Дружинник поправил шлем на голове и буркнул:

– Ничего. Я молчу.

– А я не тебя спросила, – раздражённо ответила я. – Лошадь, что ты сказала?

– Вода близко. Чистая вода.

– Вперёд! – скомандовала я, воодушевлённая. – Давай! Давай! Покажи, где вода.

Лошадь потрясла головой и пошла быстрее – насколько могла. И я поспешила туда, где заканчивалась просека, где был свет и простор, откуда дул ветер. Неужели пришёл конец нашему бесконечному пути? Неужели уже сегодня вечером мы сможем ночевать на земле, которую назовём своей?

Несколько минут понадобилось мне, чтобы достичь конца просеки и остановиться там, где она сливалась с лугом. Открытое пространство ошеломило после многих дней и недель лесов, перелесков и рощ. Серое небо в облаках сливалось с серой водой на первый взгляд. А потом, приглядевшись, я различила все оттенки голубого, синего и даже зелёного. Тёмная земля с пожухлой прошлогодней травой заканчивалась там, где сливались в единое целое две реки. Там

были камни, как мне показалось, набросанные хаотично всё тем же великаном.

– Вода, – сказала догнавшая меня лошадь.

– Город, – протянул всадник недоверчиво.

– Каменный город, – сказала я с улыбкой. – Мы пришли.

– Это чужой город, княгиня, – бросил мне подъехавший Тишило. – Мы там нужны, как собаке блохи.

– У тебя хорошее зрение? Единичка? Посмотри, ты видишь людей?

Парень сморщил нос, но послушался. Приложив ладонь к глазам, вгляделся вдаль – пристально, внимательно. Потом покачал головой:

– Воинов не видно. Никто не охраняет стены.

– Весна, крестьяне должны возделывать поля, где они?

– Светлая княгиня, каменные стены огромны. Должно быть, поля скрываются внутри города.

Я тоже приложила ладонь козырьком. И правда, стена тянулась от реки до реки. Зачем надо было перекрывать место слияния двух рек?

– Скачи предупредить князя, – велела я другому дружиннику. Его лошадь вздохнула:

– Скачи... Он скачи! А скачу тут только я!

– Иди, милая, скоро отдохнёшь, – тихо пообещала я лошади, и она, помотав головой, развернулась и потрусилла обратно к обозу, видневшемуся в просеке. А меня осенило. Присев на корточки, я обняла мокрого, воняющего псиной Бу-

рана и спросила его шепотом:

– Дорогой мой, ты ведь можешь почуять людей за стенами?

– Тяжело, – пробормотал пёс. – Стены толстые?

– Я не знаю. А если по верхам? Ведь какой-то запах должен доноситься из города?

– Должен.

– Пошли попробуем?

– А ежели есть кто? Стрелой снимут нас обоих...

Я оценила ум собаки. Буран смекает. А я ещё ничему не научилась.

– Ну а что делать?

– Я сбегая, – коротко бросил пёс и просочился с просеки в траву. Та была ещё невысокой, но по цвету как раз подходила к его шкуре, поэтому вскоре только по движению можно было угадать, где было тело Бурана. Я надеялась, что у него получится подобраться к городу незамеченным и принести информацию о его обитателях. Переправы-то тут никакой не видно. Куда дальше идти – непонятно. Да и как идти, я тоже не знаю. Все устали.

Чавканье грязи и ругань Резвого за спиной заставили меня усмехнуться. Боевой конь ворчал на проклятые дороги и на седока, которому вечно нужно больше всех. А князь спешился, подошёл ко мне, взял за руку.

– Крепость... Я слышал о таких. Невозможно взять. Надо разворачиваться и искать другое место, Руда.

– Я послала Бурана на разведку, – сказала, сжимая его пальцы. – Мне кажется, что там никого нет. Город пустой.

– В южных провинциях живут дикие племена, так говорил отец, когда был жив. Но теперь я сомневаюсь в его словах.

В голосе князя я услышала восхищение и пожала плечами:

– Хороший город, я понимаю.

– Не просто хороший, душа моя. Этот город не взять никакой армией! Он неприступен с земли, а с воды, полагаю, со стен можно легко забросать стрелами любой подошедший близко корабль! Отличное место для города...

Он покрутил головой, разглядывая местность, потом задумчиво добавил:

– Хотел бы я знать, какие великаны сложили эти камни...

Великаны! Может быть, это иреанский город? Я сильнее сжала руку Ратмира и прошептала:

– Сородичи Мокоши?

– А где купол? – резонно возразил князь.

– Бросили город, ушли... Купол исчез.

– Не знаю. Ты видела у Мокоши камни?

– Не видела. Но мы не знаем, как жили остальные боги!

– Ты права, душа моя. Подождём Бурана.

Пёс прибежал через несколько минут. Сел перед нами, вывалив язык набок, и весело сказал:

– Город пуст. Людей нет.

– Ты точно знаешь? – взволнованно спросила я. Буран

яростно накинудся на свою лапу, выкусывая невидимых блох, и ответил рассеянно:

– Пахнет пустотой. Нет людей, нет зверей, нет еды. Ничего нет.

– Что он сказал? – нетерпеливо бросил Ратмир. – Говори, травница!

– Сам ты травница! – из вредности ответила я, но потом всё же сказала: – Нет там никого, город давно оставлен.

– Что ж...

Ратмир обернулся к Тишилу, распорядился:

– Пусть обоз ждёт на опушке с несколькими воинами, остальные пусть соберутся здесь. В случае атаки вели людям укрыться в лесу! Мы пойдём на разведку.

– Приведи верблюдицу! – крикнула я вдогонку.

Ратмир обнажил меч. Снял плащ и бросил его на седло, поправил толстый стёганный в несколько слоёв доспех у горла. Деловито проверил кинжалы на поясе. А я прищурилась, вспомнив свои просьбы:

– Когда ты мне дашь такой же нож, как у тебя?

– Нож! – фыркнул он. – Никогда! Ты травница, княгиня, будущая мать наследников! Куда тебе нож, женщина?

– Ты считаешь, что женщина не может владеть оружием? – снова и снова поддела я его. – Дай мне только время, я тебе докажу, что ты не прав!

– Твоё оружие – травы и покорность своему мужчине, – Ратмир с улыбкой покачал головой. – Сперва потренируйся

в покорности, а там посмотрим.

Ах так? Ладно. Ведь сказал же: сперва найдём место, где будем жить, а там посмотрим. Теперь у него новая отговорка! Я недостаточно покорна! Ни в какие ворота вообще...

Всадники собрались быстро. На лицах людей помимо усталости была написана решимость. Дружина была уже готова даже биться за право обладания хоть каким-то куском земли. Но я верила Бурану на сто процентов. Раз сказал, что в городе никого нет, значит, так оно и есть. Другое дело – почему город пуст. Но об этом я подумаю завтра. Сегодня нужно проникнуть за каменные стены, обустроиться на новом месте и выспаться. Завтра будет другой день, который принесёт другие хлопоты, другие мысли.

Группа в сорок мужчин на лошадях и одну женщину на верблюде не могла не привлечь внимание. Так думал, наверное, и Ратмир, потому что расслабился на подъезде к каменным стенам. Они были сложены из огромных валунов, в человеческий рост и даже больше. Валуны оказались пригнаны друг к другу практически до миллиметра, и между ними даже травка не пробивалась. Никаких следов раствора. Просто громадные прямоугольные камни, поставленные друг на друга. Но камней такой формы не встречается в природе, значит, они обтёсаны. Но кем? Кто мог обтесать тысячу тонн породы аккуратными параллелепипедами?

– Даже дорога заросла, – крикнул Ратмир. – Ворота не от-

крывали много лет!

Я направила Асель к воротам – гигантским, сделанным из камней и кажущимся одним сплошным монолитом. А подъехав, изумилась: это никакой не монолит! Камни сплавлены между собой! Как будто кто-то провёл по стыкам великанским паяльником... Такая технология могла быть только у иреанцев. Но даже для иреанцев это слишком большое сооружение. Тут жили уже не трёхметровые, а десятиметровые люди...

– Душко, скачи туда! – Ратмир махнул налево. – А ты, Весен, туда, – махнул направо. – Ищите другой вход.

Он подъехал ко мне, положил руку на колено:

– Руда, не войти нам в твой город. Эти ворота только исполин и может открыть!

Он указал на землю. Я увидела полукружья, расходящиеся от центра ворот. Земля была будто отгребена створками, но уже давно густо поросла травой. Как жаль... Если дружинники не найдут другого лаза в город, придётся отказаться от идеи поселиться в его стенах.

А это означает – снова в путь, снова искать, снова недосыпать, недоедать и терять людей из-за болезней и диких зверей...

Я спешила, спрыгнув с седла. Держа Асель за повод, приблизилась к воротам. Нет, даже великаны не смогли бы отодвинуть эти валуны! А что если...

Если дверь нельзя открыть грубой силой, значит, дверь

открывается сама. Надо только знать её секрет. А что? Это очень даже интересная версия! Вон в Древнем Египте, например, жрецы знали всякие тайники и механизмы, где что-то куда-то надо вставить или что-то нажать в уголке... Я принялась рассматривать камни ворот поближе и попристальнее. Тыкала во все выступы, бесстрашно совала палец в ямки и углубления. Даже Ратмир заинтересовался, подъехал ближе:

– Что ты делаешь, Руда?

– Мне в голову пришла одна мысль, и я её усиленно думаю, – ответила, стиснув зубы. – Помоги мне, я не дотянусь.

Он протянул руку, я упёрлась ногой в стремя, и меня подтянули повыше. Но нет, разочарование. Показавшийся мне кнопкой камушек оказался просто вплавленным в породу. Я присела на седло впереди Ратмира и вздохнула. Князь сказал тихо на ухо:

– Ты сметливая, моя травница, моя княгиня. Ты найдёшь, как попасть в город!

– Если бы, – протянула я и привычно потянулась к оберегу на шее. Спрятала солнечный круг Мокоши под рубаху – время самого сокровенного желания ещё не пришло – и сжала пальцами голубой прозрачный камешек. Однажды он помог мне, вдруг и сейчас благодаря ему найдётся решение?

– Ничего, князь! До самой реки голые камни...

Весен вернулся с докладом. Душко трусил на лошади с другой стороны. Я нахмурилась, заметив его смурное лицо.

И так я уже потеряла все бонусы в их глазах, теперь, с этим городом, мне не простят ошибки...

Спрыгнув на землю, я бросилась к воротам и в отчаянье застучала по ним кулаками. Чёртова крепость, чёртов каменный город! Открывайся! Сим-сим хренов! Открывайся немедленно!

Камешек глухо дзынькнул, ударившись о валун, и тихо завибрировал. Будто крохотный камертон дал красивую ноту «ля», и камни города синхронно настроились под неё. И я тоже настроилась, завибрировала против своей воли. Захотела оторваться, отдалиться – и не смогла! Я сама стала большим камертоном, который заставил петь валуны, служившие воротами древней расе великанов...

– Руда! Руда! Что происходит?

Голос Ратмира доносился до меня, как будто из-за толстого одеяла, которое кто-то набросил на мир. Я не слушала его – у меня болел слух. Да, так не говорят, и слух не может болеть. Я прекрасно это понимала, но болели не просто уши. Я вся превратилась в слух, я стала ключом между берегом и стеной. Всей кожей ощутила нежелание города сдаваться. Всеми мышцами сопротивлялась, чтобы не упасть. Всей душой отдалась камням, слилась с ними, приросла к ним.

И вдруг...

Я даже сразу не поняла, как это случилось, но камни дрогнули, застонали и двинулись прямо на меня. И не сами по себе. Я заставила их двигаться! Я заставила ворота открыться!

А-а-а!

Это ещё круче, чем лечить руками, круче зелёного волшебного рентгена!

– Руда!

Меня выдернули из-за одеяла в реальный мир, и я пошатнулась, упала в грязную траву. Открытые ворота смотрели на меня зияющей брешью в высоченной стене, а дружинники молчали и пялились на неё.

– Я это сделала!

Мой крик эхом прокатился по пустому городу, а я рассмеялась вслед и снова крикнула:

– Сделала!

– Ведьма, – пробормотал Тишило и сплюнул. Ратмир вынул меч из ножен и скомандовал:

– Трое со мной, остальные здесь с княгиней!

– Сдурел, да? – я протянула ему руку, князь поднял меня рывком, но толкнул к верблюдице:

– Ты останешься за воротами, пока мы не осмотрим весь город!

Они вчетвером двинулись внутрь, оружие наизготовку, чуткие, готовые к любой неожиданности. Повинуясь знакам Ратмира, разошлись в разные стороны. А я обиженно топнула ногой и пожаловалась неизвестно кому:

– Так не честно! Это я открыла город! Это я привела всех сюда!

– Княгине стоило бы быть немного послушнее, – с лёг-

ким оттенком иронии, а попросту язвительно сказал Тишило. Тоже неизвестно кому... Ещё и этот будет меня учить! Он может быть правой рукой Ратмира, но мне указывать даже сам князь не всегда имеет право! Однако дружинники меня уже не боялись, как в те благие времена, когда я была страшной ведьмой и могла наслать белый мор и лорики с ёриками... Поэтому пришлось запастись терпением. Ждать я уже научилась.

Даже Буран меня предал...

Зато он вернулся первым. Лёг у ног Асели и сказал, зевнув:

– Живых нет.

– А мёртвые? – подхватила я.

– И мёртвых не видно.

– Нет, подожди. Что значит, не видно? А что? Слышно? Или ты чуешь запах?

Буран помотал лохматой башкой и ответил сердито:

– Не путай меня. Нет там никого.

– Ну и слава богу, – сказала я и, глянув опасливо на дружинников, поправила: – То есть, Сварогу!

– Светлая княгиня, пёс Ратмира почуял опасность? – спросил Тишило.

– Наоборот, – я качнула головой и сказала собаке: – Буран, пошли! Хочь посмотреть своими глазами.

– Я с тобой, княгиня, – дружинник спешил и вынул кинжал из ножен. – Не ровен час, ошиблась псина...

– Сам ты псина, – буркнул Буран, а я перевела:

– Буран выражает своё неудовольствие твоим недоверием,

Тишило.

– Пусть засунет своё неудовольствие в...

Дружинник поперхнулся и спрятал ругательство в кашле.

Я только головой покачала, но не ответила, а быстрым шагом дошла до ворот и с трепетом ступила на камни, которыми была выложена земля.

Всё вокруг было слишком большим. Ясен пень, великаны строили себе под стать. У самых ворот по обе стороны каменной дороги тянулись поля. Они окружали дома, как ров с водой. Широкие, с чёрной землёй, из которой пробивалась трава, жадные до дождей и ждущие человека... Весна, можно сажать. Сколько веков земля стоит пустая, без культуры? Да тут всё как на дрожжах будет расти!

Полюбовавшись в мыслях на будущие колосющиеся поля, я пошла дальше. К домам. Всего каких-то пятьсот метров отделяло их от городской стены. И эти дома были как средний терем Златограда. Наверняка для прежних обитателей в них всего один этаж. Мы можем построить и два, и три... Мы можем уместить всех всего в нескольких домах!

Я вступила на широкую улицу и даже пошатнулась от странного ощущения присутствия. Нет, здесь никого нет! Буран бы почуял людей или зверей... Но пёс был спокоен и расслаблен. А мне почудилось. Наверное, почудилось.

Эхо шагов гулко отдавалось в стенах домов. Ратмир шёл навстречу, меч в ножнах, и улыбался. Сказал негромко:

– Руда, ты была права. Это отличное место для основания города!

– Город уже основан, надо только его назвать, – усмехнулась я.

– Златоград, – пожал плечами Ратмир, но я помотала головой:

– Плохая примета! Нужно новое имя.

– Найди, – он положил руку мне на плечо и указал на высокий дом, почти замок в центре города: – Мы поселимся там, моя княгиня. Это настоящий княжеский терем.

– Не великоват? – фыркнула я. Огляделась. Меня снова пронзило чувство того, что мы здесь не одни. Я машинально сжала в ладони голубой камешек. Это помогло. И я сказала: – Кайа-Тиль.

– Что это значит? – удивился Ратмир.

– Так называется город.

– Ты придумала?

Я пожала плечами. Да, придумала. Странно, я даже не знаю, откуда эти слова. Но камертон внутри меня звенел правильной, чистой нотой, когда я их произнесла.

Город погибшей цивилизации, первой жизни, мёртвый каменный город.

Кайа-Тиль.

Глава 2. Надёжная защита

Март 3 число

Вечер в этих краях был очень похож на нормальный вечер в моё время. Сумерки, подкрававшиеся к стенам города, набросили на него тёмное покрывало, и люди принялись зажигать факелы. Распряжённые лошади паслись на будущих полях, а повозки мы загнали в дома – ширина дверей позволила. Завтра наши добры молодцы пойдут в лес – углублять просеку. Нам нужно дерево для мебели, для этажей, для растопки. Печник тоже имеется, глину найдём. Каких-нибудь три-четыре недели – и город заживёт нормальной жизнью!

Ворота я закрыла тем же путём, что и открыла. А вот с тем дворцом, который Ратмир присмотрел для нас, вышла неувязочка. Ни осколок первой жизни, ни волшебные слова «Сезам, откройся», ни танцы с бубном не помогли. Двери не открывались. Пришлось заселяться в дом попроще. Но я затаила обиду на город. Почему дворец недоступен? Ведь я чувствую, как двери поют и вибрируют в унисон с моим камнем и с моим телом!

Но видно для настоящего унисона не хватало нескольких нот. Вот и воздух посвежел, заставляя меня кутаться в плащ, а я всё стояла, приникнув всем телом к камню двери, шептала, умоляла...

– Руда, замёрзнешь, моя княгиня, пойдём греться у очага.

Тёплые руки обняли меня, тяжёлым грузом легли на плечи. Бородка Ратмира защекотала шею, и я откинулась на его грудь, закрыв глаза, пожаловалась:

– Почему у меня не получается открыть эту дверь?

– Я не знаю, любая. Мы не знаем. А те, кто знал, уже не скажут.

– Это нечестно! Здесь столько места! Половину людей можно разместить!

– Забава приготовила нам с тобой роскошную постель из сена, Голуба замесила хлеб и сварила похлёбку... Пойдём, любая, всем надо отдохнуть от долгого пути.

Я взглянула на него снизу вверх. Тёмные глаза блестели улыбкой, которую нечасто видели на лице светлого князя. Мой, только мой! И улыбка эта – моя! Только для меня...

Кивнув, я неохотно оторвалась от двери, позволила увлечь себя в один из небольших домов, стоявших на площади возле дворца. Сложенный из более мелких камней, но тоже без раствора, он был покрыт чёрными плоскими плитками, очень похожими на сланец. Окна – чёрные дыры без стёкол – заботливые служанки уже затянули тканью. От холода она не спасёт, но сквозняков не будет. А потом и настоящие стёкла вставим. Ну как настоящие... Слюдяные. Есть у нас в городе мастер.

Внутри уже было натоплено, уже горели факелы и жир в плошках, уже пахло вкусным наваристым супом из вяленого мяса. Забава встретила нас – захлопотанная, красная от жара

очага, счастливая. Она сердито набросилась на меня:

– Что ж ты, княгинюшка, себя не жалеешь? Долбишься, долбишься в дверь, а забыла, что, коли не пускают, значит, время не пришло!

– Да я... ничего... – попыталась оправдаться, но меня никто не слушал. Насильно подвели к очагу, усадили, сунули в руки плошку и ложку. А там уж аромат супа сделал своё дело. Я хлебала его, обмакивая в янтарную жидкость кусок позавчерашнего хлеба, и соловела на глазах. Усталость обнимала меня всё больше и больше, клонила на бок, закрывала мне глаза...

А потом словно как что меня толкнуло. И я проснулась.

Очаг ещё теплился, один маленький огонёк посреди дома. Кто-то ворочался, кто-то вздыхал во сне. Я лежала под одеялом из драгоценных соболей на повозке, а рядом мерно посапывал Ратмир. Полюбовавшись на его лицо в отблеске огня, я приподнялась на локтях. Снова это присутствие, снова холодный пот, прошибающий позвоночник! Но никого – никого нет, только свои, только люди, пришедшие со мной за две тысячи километров из Златограда! Маленькая Отрада кряхтит под боком у Мыски, слышно, как чмокает кулачок семимесячный Волех, убаюкивая сам себя, а тяжёлое дыхание с присвистом – это Бер... Всё в порядке, всё хорошо.

Я выскользнула из-под соболей, стараясь не потревожить Ратмира. На мне рубашка – не слишком свежая, не слишком чистая. С утра первым делом надо найти место для большой

стирки. А уж потом натаскать воды и выкупать детей, задуматься о бане...

Я подошла к ящику, который сколотили перед самым отъездом. В нём хранились мои травы и весь арсенал начинающей травницы. Аккуратно откинув крышку, чтобы та не скрипнула и не разбудила весь дом, я склонилась над уложенными в ряды мешками и мешочками, полными сухих нарезок, бутонов, измельчённых корешков и ягод. Идея была смутной, но я постаралась сформулировать её настолько чётко, насколько смогла:

– Защита от незваных гостей.

Пауза меня немного напугала. Незваных гостей я не могла обозначить точно, но знала, что в арсенале начинающей травницы точно есть охранные травы. Даже примерно помнила, где они лежат. Но это против людского присутствия... А мои гости наверняка другого вида.

– Защита... – начала я, и тут вспыхнул зелёным цветом один из мешочков. Солёная трава... Соль, да. Призраки. Но я уверена, что это не призраки тревожат меня. А кто? Не знаю. Но солёная трава – это уже неплохо. Я достала из мешочка щепотку и огляделась. Куда положить? На порог? Глупо. Если дух, призрак или кто его знает что жил в доме, он здесь и останется. Надо прогнать его из дома.

Я бросила щепотку травы в очаг и закрыла глаза. Пожалуйста, позвольте нам жить в этом городе! Мы беженцы, мы устали. Мы не причиним никакого вреда этим камням. В

конце концов, я открыла ворота, значит, я имею право здесь быть!

В очаге ярко вспыхнул огонь, жадно пожирая траву, а я прислушалась к своим ощущениям. Пока всё спокойно. Посмотрим, как оно будет дальше.

Босым ногам стало холодно, и я вернулась в повозку, забралась под одеяло и прильнула к тёплому телу Ратмира. Забралась ладонями под его рубашку, провела по гладкому торсу, чувствуя дрожь желания внутри. Муж проснулся и, сонный, повернулся ко мне:

– Что, женщина?

– Хочу тебя, – просто ответила я.

Он хмыкнул:

– Разве не должна ты, как любая верная жена, ждать, когда у мужа проснётся желание?

– Я феминистка, – пробормотала, прижимаясь к Ратмиру. Нашла его губы и лизнула, куснула губами, дразнясь и распаляя его. Князь ловко перевернул меня на спину, прижав к сему, оглядел в неровном свете очага – всю, докуда достал взгляд, и жадно впился в мой рот. Будто в первый раз! Его рука проникла под подол рубашки, лаская мою ногу, поднимаясь выше и выше, пока не достигла заветного местечка. Не так давно я показала Ратмиру, что такое клитор, и рассказала, что можно проникать в женщину не только членом, но и пальцем. Пальцами... Сначала он не поверил, потом долго отнекивался, решительно отказываясь от новых тактильных

практик, но, когда увидел, как они на меня действуют – бросился в омут, так сказать, с головой.

Задыхаясь от вожделения, я чувствовала любимого повсюду – губы на губах, пальцы на соске, член внутри. Не стонать слишком громко! Не разбудить остальных! Жаркое дыхание обжигало лицо. Ратмир двигался не быстро, но так сильно, что с каждым его толчком мне было всё труднее сдерживаться. Во мне горел пожар, который мог потушить лишь один человек на земле во все времена... И он всюду тушил, войдя в один ритм со мной. Мы двигались уже вместе, друг к другу, друг от друга, мы стали одним большим целым организмом, который доставлял сам себе несравненное наслаждение.

Как и каждую ночь в эти два месяца.

Как и каждую ночь, которую мы проведём в этой жизни, надеюсь...

Бёдра Ратмира вжались в мои в последнем усилии, мой муж рыкнул и выгнулся. Я поймала волну – как и раньше – комкая соболиное покрывало пальцами, и моё сознание долго парило на седьмом небе...

Дуновение на моём виске.

Шёпот.

– Руда, ты сведёшь меня с ума своей страстью...

– Ты меня уже свёл с ума, – пробормотала я, не открывая глаз. – Спи, надо выспаться...

– Утром у нас будет много работы.

– Да.

– Ты думаешь, всё-таки боги построили этот город?

Он откинулся на спину, заложил руки за голову. Я смотрела на него, любуясь красивым профилем, прямым носом, волевым подбородком. Потом pokrutila головой:

– Нет, я думаю, что это та самая древняя цивилизация, о которой говорила Мокошь. Старые руины, помнишь?

– Это не руины. Город хорошо сохранился.

– Ратмир, это же замечательно! Мы обживёмся здесь, построим всё, что нам надо! А первым делом – баню!

Я прильнула к мужу, положила голову на плечо. Он вытащил руку из-за головы и обнял меня, устроив поудобнее, хмыкнул. А я продолжила воодушевлённо:

– В реке должно быть полно рыбы, а в лесу – дичи. Бер поправится, станет нам привораживать зверьё в силки...

– Поправится ли. Стар он и слаб.

– Он Хозяин Леса, – твёрдо ответила я. – Он должен поправиться. Я верю в Мыську.

– Чем она ему поможет? Она знает толк в лекарстве?

– Тш-ш-ш, ты ничего не понимаешь! Там совсем другое.

Я замолчала, не желая раскрывать тайну проклятья Бера. Он выкарабкается. Обязательно... Ведь я обещала ему.

Мы уснули обнявшись, и мне снилось, что я парю где-то между седьмым и третьим небом. Эти небеса разграничивала отчего-то красно-белая полицейская лента. А на облаке сидела и курила трубку старая цыганка с вокзала. Она смотрела

рела, как я весело разгребаю вату вокруг себя, а потом сказала веско: «Не играй с тем, что сильнее тебя, Руда!» После этих слов облака резко исчезли, и я полетела вниз.

Но не упала, а проснулась.

Март 4 число

Ратмира рядом не было. Он, наверное, уже в делах и заботах. В доме пахло свежим хлебом и грибным супом. Хныкали дети, ворчала Забава. Я потянулась и сладко улыбнулась. И замерла, вспомнив сон.

Что ты имела в виду, цыганка?

Что сильнее меня теперь?

Я приобрела дар лечить руками, видеть болезнь и убирать её. Мне подарили возможность видеть нечисть и говорить с животными. Я познакомилась с женщиной из древней расы иреан. Спасла три сотни людей от верной смерти. Нашла пристанище.

Сильнее меня может быть только это присутствие, которое я чувствую со вчерашнего дня. Мы точно потревожили что-то очень мощное и очень старое. Оно сильнее меня, да. Хотя бы потому, что я не могу открыть двери большого дома. Но русские не сдаются! Я обязательно найду способ войти в новый «терем».

Поднявшись, я оделась и спустилась с повозки. Забава проворчала:

– Княгинюшка поздновато встаёт.

Удивлённо оглянувшись, я спросила:

– А сколько времени? То есть... Не вечер же!

– Полдень уж, милая моя.

– С ума сойти, – пробормотала, выглядывая в окно из-под тряпки. Солнце и правда стояло в зените. Голубое небо без единого облачка радовало глаз. Да и холод уже не пробирал до костей. Здесь наступила весна. Успели б подготовиться к посеву...

– А где Ратмир?

– На рассвете вскочил и с дружиной пошёл искать спуск к реке.

– Точно! Надо же стирку устроить.

– И рыбы наловить, – Любава-повариха утёрла лоб ладонью, помешала суп длинной деревянной ложкой. – Попробуешь, светлая княгиня?

– Потом, – отмахнулась я. – Побегу Ратмира поищу. Что там с рекой – надо понять.

– Побежит она, – буркнула Забава. – Разбегалась она! Ты княгиня, матушка! Разве ж княгини бегают?

– Ну прости, – рассмеялась я. – Вот обживёмся, отстроимся, запасём еды – и буду ходить павою! А пока надо побегать. И так разоспалась!

Накинув на плечи плащ с меховой подкладкой, я выскочила на улицу. Река рекой, а мне ещё надо своих больных навестить. Вчера совсем из памяти вылетело! Снаружи наткнулась на Бурана, который тянул за шкурку серого щенка. Собачий ребёнок жалобно поскуливал:

– Я боюсь, боюсь! Я к мамке хочу!

– Не бойсь, сынок! – сквозь сжатые зубы подбадривал его пёс. – Небось не пролежишь подле мамки всю жизнь. Давай, резвее!

Щенок увидел меня и упёрся всеми четырьмя лапами в камень мостовой, тормозя в пыли и чихая. Буран выпустил его загрибок и фыркнул:

– Здрава будь, Диана. Вот, привёл.

– Кого? Зачем? – не поняла я.

– Сынок мой. Тебе охраной будет.

Он носом подтолкнул щенка ко мне, и тот плюхнулся на толстенькую жопку, подмяв под себя хвост, а потом повалился на спину, подставив розовый круглый животик. Я умилилась:

– Бозе мой! Какой хороший мальчик! Ах ты моя лапушка!

Наклонившись, почесала щенка по пузику, и он замахал лапками от удовольствия:

– Да! Да! Ещё!

– Он не лапушка! – строго рявкнул Буран. – Он твой защитник!

– Ну, одно другому не мешает, правда, мой хороший?

Малыш в экстазе растянул губы, вывалив язык, и заскулил, извиваясь на земле от головы до короткого хвостика.

– А как его зовут? – спросила я.

– Ты хозяйка, ты и называй, – недовольно ответил Буран.

Я задумалась, потом весело сказала:

– Будешь Лютик!

– Лютик! – возмутился оскорблённый папаша, а я объяснила, поджав губы:

– От слова «лютый». Ласково – Лютик.

Буран смерил меня настороженным взглядом, не поверил, встряхнулся и побежал прочь, ворча:

– Лютик... Цветочек... Во имя всех собачьих богов, называть охранного пса Лютиком!

А я усмехнулась, глядя на щенка, спросила:

– Тебе нравится?

Он сел, яростно, но почти безуспешно почесал задней лапой висячее ухо и ответил:

– Нр-равится! А теперь будем играть?

Играть мы, конечно же, не стали. Лютик не расстроился, а весело побежал вслед за мной, когда я направилась искать князя. Мы прошли по улице до самой стены. Люди хлопотали у домов, как и было свойственно людям: обживать, чистить, украшать. Скоро они посадят деревца и цветы у входа, застеклят окна, поставят заборчики... Из каждого дома будет пахнуть хлебом и мясом, родятся дети, будут играть перед дверьми...

– А куда мы идём? – задорно спросил щенок.

– Обследовать городскую стену.

– О, может, там есть враги? И я тогда на них нападу, я их всех гр-р-р перекусаю!

Я усмехнулась. Какой милый ребёнок! Перекусает он... А, вот и поля. И за ними – высокая городская стена. У стены – группа дружинников. Мелькает знакомая шапка князя. Я ускорила шаг, чтобы быстрее добраться до любимого. И передо мной раздвинулись мужчины, пропуская к Ратмиру. Тот кивнул мне, знаком велел подойти ближе. Сказал словно между делом:

– Здесь есть дыра, ведущая к воде, но не понятно, для чего она служит.

– Ежели бадью кидать, так не пролезет, – буркнул один из парней.

Я приблизилась. Дыра в стене была забита чем-то. Даже не забита – ибо забитие обычно происходит против намерений пользователя. Отверстие из гладко отполированного камня уходило вглубь под углом. Сама дыра располагалась низко над выбитой в булыжнике чашей. Я огляделась. Чаша давала ответвления в две стороны. Жёлоб шёл параллельно стене докуда хватало взгляда. А перпендикулярно от него отходили через равные промежутки рукава, и вели они к полям.

Ирригационная система!

Твою мать!

Древние знали толк в инженерии. Каким-то образом они поднимали из реки воду и распределяли по земле благодаря желобам. Но как? Как они качали воду? Возможно, каким-то способом с педалями... Или магией камней? Я машинально взялась за оберег и глянула на Ратмира. Захотелось впечат-

лить и поразить, но стало страшно – вдруг не получится, как с главным домом?

– Хочешь попробовать? – усмехнулся мой князь. – Думаешь, получится?

– Ну, если не получится, то найдём другой способ, – я пожала плечами и подошла к стене. Наклонившись, обследовала стену на предмет ямки. Здесь должно быть углубление, в которое надо приложить камень. Если его нет, я удавлюсь.

Давиться не пришлось. Крохотная дырочка у самого жёлоба была как раз под размер моего оберега. Когда я приложила его к ямке, где-то в глубине стены вздрогнуло, жалобно ухнуло, закрипело, заскрежетало. Дружина отскочила в сторону, тесня Ратмира, а он за руку оттянул меня от дыры. Но ничего особенного не случилось, если не считать того, что каменная гладкая поверхность внутри дыры двинулась. Она крутилась медленно и размеренно, как если бы это был винт мясорубки. А я смотрела на неё. Как и все остальные.

А потом из дыры потекла вода. Немного, порциями, но потекла. Я не поверила своим глазам, хотя и ожидала нечто подобное. Да, это древний механизм, известный и в наше время. И он работает. И у нас есть вода.

У нас есть вода...

Первым опомнился Лютик. Он подскочил к текущей по жёлобу водичке и принялся жадно лакать. Тогда я повернулась к Ратмиру с улыбкой:

– Ура!

– Почему я в тебе уже не сомневаюсь, светлая княгиня, – пробормотал он, кладя руку мне на плечо. Сделал это с такой гордостью, что сразу стало понятно: гордится он именно тем, что я его жена. И так меня это умилило, аж до слёз...

– Ищите такие же дыры, ежели найдёте – княгиня приведёт в действие механизм, – велел дружинникам Ратмир. – А ты, Руда, пока пойдёшь со мной. Хочу показать тебе кое-что.

Мы медленно двинулись вдоль стены. Вода журчала, орошая пыльную корку земли, впитывалась, исчезала. Лютик носился взад и вперёд, играл, нападая на струйки, пытался их укусить, но только фыркал. Ратмир молчал, наблюдая за ним, потом спросил:

– Откуда у тебя щенок?

– Буран притащил, – усмехнулась я. – Сказал, что теперь это мой защитник.

– Хорош защитник! – хмыкнул князь. – Эй, иди сюда!

Он похлопал ладонью по колену, и Лютик заинтересованно глянул на князя. Потом на меня и спросил:

– Я должен защищать тебя от него?

– Нет! Это мой муж и твой хозяин! – рассмеялась я.

– А-а-а, – протянул щенок и осторожно приблизился к Ратмиру. Его хвостик заметал камни. Не дойдя нескольких шагов, Лютик упал на бок и задрал лапы в воздух. Князь протянул руку и потрепал щенка по груди, потом выпрямился и сказал:

– Никак не могу привыкнуть к тому, что ты знаешь их

мысли. Руда, что думает обо мне мой пёс?

– Ты заставляешь меня выдать тайну исповеди! – рассмеялась я.

– Тайну чего?

– Ничего, – я прикусила язык. – Что ты хотел мне показать?

Ратмир указал рукой на стену. Плотники уже сколотили на скорую руку лёгкую смотровую площадку, казавшуюся шаткой и хлипкой. Но, когда князь пригласил меня подняться, я ощутила прочные перекладины под ногами и смело залезла на самый верх. Схватившись за гранит стены, чтобы не упасть, глянула вверх и замерла.

Моему взгляду открылся захватывающий дыхание вид. Настолько прекрасный, что все пейзажи, уже виденные мною в жизни, просто померкли. Справа широченная гладь воды, синяя, голубая, зеленоватая, бирюзовая, спокойная, сливалась с другой гладью слева – серой, бурной, беспокойной и мятежной. В месте слияния барашки волн, сталкиваясь, создавали водовороты и всплески. А над рекой плыли белые-белые облака, объёмные и пушистые...

И мы надо всем этим, как на носу Титаника!

– Как красиво, – прошептала я и услышала смешок Ратмира:

– Женщины! Посмотри, как хорошо укреплён этот город!

– Да?

Я словно очнулась, взглянула уже другими глазами на

окружающий нас пейзаж. Вода, как гигантский ров, окружала город с трёх сторон. Оглянулась. Суша была перекрыта каменной стеной.

– Да, ты прав. Идеальное место для крепости.

– Посмотри на это.

Он лёг животом на камень и вытянул руку. Я тоже нагнулась. Под его ладонью в граните была большая ямка, как будто ребёнок-великан ткнул огромным пальцем в пластилин. А ниже – ещё одна. И ещё, и ещё...

– Видишь, Руда? Как мы плавим железо в горне, пока оно не станет мягким, так и этот камень был чем-то расплавлен. Но чем?

Мои пальцы скользнули по завитушке ямки, огладили идеально вогнутую поверхность, и я восхищённо сказала:

– Лазером! Очень большим лазером!

– Что означает это слово?

– Трудно объяснить, – призналась, выпрямившись. – Там, откуда я пришла, точнее, в то время, лазер стал частью обычных технологий. Но здесь и сейчас... Тем более, в прошлом...

– Руда, кого боялись жители этого города? Против кого возвели эти стены?

Глава 3. Чистые и нечистые

Март, 4 число

Я спускалась со смотровой площадки мрачная и в думах. Конечно, Ратмир задавал правильные вопросы, но, к сожалению, никто не мог дать на них верные ответы. Даже я. В голове роились мысли, одна фантастичнее другой, но я только морщилась. Глупости. Краем уха когда-то в другой жизни я слышала про ядерную войну в восемнадцатом веке, про найденные скелеты гигантов, про пирамиды Сибири и мегалиты, которые служили храмами для неких вымерших цивилизаций. Но всегда отметала их, как идиотские домыслы людей, которым нечего делать.

Впрочем, в свете Мокоши и расы иреанцев надо пересмотреть свои убеждения.

Но лазеры... Гиганты выше иреанцев... Стены в высоту двухэтажного дома...

И ещё это присутствие. Как будто дух старых жителей. Что-то странное, но отчего-то не пугающее. Я поёжилась, глядя на скачущего от радости видеть меня Лютика. Вот кому хорошо... Весело жить на белом свете, когда не надо думать о том, что найти поесть или как сделать людям удобно и тепло.

Щенок поднял голову и взгляделся в окна большого дома. Я позвала малыша:

– Лютик, пошли!

Он дёрнул хвостиком в ответ, но взгляд не отвёл. Шерсть на загривке встала дыбом, и щенок зашёлся в звонком и тревожном лае. Что он там увидел? Кого?

– Лютик! Что ты увидел?

– Там кто-то есть! – протявкали малыш.

– Там пусто, и дверь не открывается.

– Есть! Есть, есть, есть!

– Хорошо, пошли посмотрим, – сказала я и направилась к дому. Лютик решительно бросился вперёд меня, а Ратмир окликнул:

– Руда, куда ты?

– Лютик заметил движение в окне. Я пойду посмотрю.

– Стой!

Меня схватили за плечо, и муж отругал сердито:

– Безрассудная женщина! Надо послать дружину!

– И что они сделают? Взберутся по отвесному камню к окну?

– Если надо – да! – твёрдо ответил Ратмир. – А ты останешься в стороне. Ты не должна подвергать себя опасности.

– Глупости, – запротестовала я, но меня удержали на месте. Дружинники окружили окно, один из них взобрался на спину другого и, подтянувшись, заглянул в окно. Крикнул:

– Никого!

– Заберись внутрь! – велел Ратмир. Парень сунулся было, но я вскрикнула. В окне показалась страшная рожа, оскалила

огромный рот и зашипела, как кошка, на всех, кто был под окном. Но к моему удивлению, дружинники не отшатнулись и не вскинули мечи. Парень, который пытался забраться в окно, ответил:

– Не могу! Меня что-то не пускает.

– Ещё бы, – выдохнула я. – Там такой... такое... даже не знаю, как назвать!

– Что там? Кто? – обеспокоенно спросил Ратмир, вглядываясь в чёрный провал окна. Я тоже взглянула туда. Страшный человек не исчез. Он скалился на всех, потрясая грязными руками, и его лохмотья обнажали худое тело с выступающими рёбрами. Что за глюк? Неужели они его не видят?

– Подожди, – пробормотала я. – Подожди, мне надо подумать.

Если они его не пугаются, значит, не видят. А раз не видят, значит... Это не человек, а нечисть.

– Ну конечно! Домовой!

– Что?

Я только мотнула головой. Странно, я никогда не видела домовых в тереме! Неужели их просто-напросто нет в это время? Быть может, как с дикими волками, домовых ещё не приручили? Тогда откуда здесь этот? Он тоже дикий?

– В доме остался домовой. Я думаю, что он не пускает нас в дом, потому что мы чужие.

– Домовой? Как леший? Как болотник?

– Да. Нечисть.

Ратмир выругался, потом сказал:

– Значит, нам никогда не попасть в большой дом. Нечисть будет водить кругами и колдовать.

– Ты забыл, что у тебя есть личная ведьма, – усмехнулась я. – Думаю, что с нечистой я как-нибудь справлюсь.

В голове мелькнула мысль поговорить с домовым. Но, подумав, я отмела её. Сначала, как в любом деле, надо подкрепиться.

– Принесите мне молоко и несколько пирогов, – велела дружиннику. Он поклонился и убежал в направлении к ближайшему дому.

– Ты хочешь выманить нечистика с помощью еды? – рассмехался Ратмир, но губы его остались напряжённо сжатыми. Я покачала головой:

– Нет, любимый. Я хочу подружиться с ним.

– Дружить с нечистой силой! Только ведьма может выдумать такое, – пробормотал он. Тишило, который следовал за князем повсюду, сказал мрачно:

– Скоро нечисть промеж нас жить будет, с такой-то княгиней...

– У тебя ко мне претензии? – обернулась я к десятнику. Тот прищурился и сделал шаг вперёд:

– Нечисть не должна жить с человеком! Это противоречит божьему миру! Хотел бы Сварог такого – позволил бы людям видеть нечистиков, а оно не так!

Эк как всё оборачивается. Бунт на корабле... Тишило му-

тит воду! А если я скажу, что одна из всех вижу нечисть, ответом мне будет плевок под ноги и слово: «Ведьма!»

Я отвернулась от десятника. Не хотела видеть его. Пока он мне ничего не сделает, но надо остерегаться того, что он может настроить против меня остальных. Дружинник прибежал с кувшином молока и пирогом, завёрнутым в рушник. Я махнула рукой:

– Положите всё это на окно и оставьте.

Парень глянул на князя, и тот кивком разрешил ему делать то, что я сказала. Мне стоило бы обидеться, но хрен с ними. Я всего лишь женщина. Я всего лишь спасла их от верной смерти и привела в новый город. Ничего. Ничего... У меня получится завоевать доверие народа.

Наверное.

Я смотрела, как дружинник водружает пирог с молоком на окно, как бесится беспомощный домовый, пытаюсь прогнать их, как парни расходятся. Смотрела в упор, пытаюсь поймать взгляд нечистика, но он не видел меня. Его дикий вид интриговал. Я всегда представляла домовых чистенькими благообразными старичками с длинной бородой. А тут – страшный, большой, в лохмотьях, нечёсанный!

Кузя...

Впрочем, Кузю отмыли, и он стал чистеньким и благообразным. Может, этого тоже надо отмыть?

Я займусь домовым позже. Сначала мне надо обойти моих больных. Я поискала взглядом Ратмира, махнула ему рукой:

– Светлый князь, разреши обратиться!

– Челом бьёшь? – усмехнулся он, подходя.

– Щас, разбежалась, – пробормотала. – Печник и плотники уже начали баню?

– Да. Вон, приспособили домишко под это дело.

– Хорошо, пусть побыстрее заканчивают, людям надо мыться с дороги. Бабам стирку тоже...

– Река вон есть.

– Холодно в реке-то ещё!

Он огляделся, подступил ко мне и сжал мои руки в своих ладонях:

– Любая, всё устроим, всё. Иди, хлопочи по своим бабьим делам, а нам оставь мужские.

Я только усмехнулась, чувствуя силу его рук. Потянувшись на носках, чмокнула любимого мужа в щёку и пошла, не оборачиваясь, к ближайшему дому.

Меня ждал очень неприятный сюрприз. Почти в каждом доме кто-то болел. Я даже растерялась поначалу, потом подумала, что это нормально – всё-таки перенесли длинный путь в тряском обозе, а кто и пешком, теперь пригrelись на новом месте, и расслабившееся тело не выдержало. Иммунитет снизился, качество еды сыграло роль.

Но всё равно стало неприятно. Будто я не справилась со своей ролью. Я травница, знахарка – не могу поддерживать людей в форме!

Целый день я провела в лечении. Там понос, тут просту-

да, там кашель, тут загрудинные боли... Я старалась. Очень старалась. И надеялась, что всё будет хорошо. Но... Сердце болит, а ум понимает. Хорошо не будет. Столько больных сразу вымотали меня – не только физически, но и душевно. Моя сила явно не справлялась.

Массаж моему первому больному тоже не помогал. Малыш уже начал задыхаться. Дышал он тяжело, с присвистом, и я отчего-то подумала: умрёт. Нет, врач во мне хотел бороться и не сдаваться! А женской жалостью поняла, что тут незачем стараться. Очаг воспаления в лёгких расширился, несмотря на отвары, массажи, выдавливания пальцами красного огня из альвеол...

Мать мальчика стояла за моей спиной. Так хотелось помочь бедной женщине, обнадёжить её, утешить, но у меня не осталось слов надежды. Я взяла ребёнка на руки и обняла, закачала, уложив его голову на плечо. Слёзы подступили к глазам. Если бы я была в моём времени, в моём городе... Там врачи, больницы, капельницы, антибиотики! Там кто-нибудь пришёл бы мне на помощь, кто-нибудь точно знал бы, как вылечить мальчика. Мой волшебный рентген и мои волшебные травки – не всё! Ещё нужен опыт, знания, правильно подобранные молекулы...

– Прости, Беяна, – покаянно обратилась я к матери мальчика. – Не думаю, что смогу спасти твоего сына. Мне очень жаль...

– Ты же ведьма, сделай что-нибудь! – в отчаянье просто-

нала женщина. Морщинки в уголках её рта опустились, словно вырезанные в камне умелой рукой скульптора.

— Я сделала всё, что могла, — пряча взгляд, сказала я, уложила мальчика на постель из соломы, покрытой относительно чистым полотном, и добавила: — Теперь остаётся только ждать и уповать на богов.

Женщина толкнула меня в плечо:

— Уходи! Убирайся отсюда! Какая ты ведьма! Даже не можешь ребёнка вылечить! Лучше бы мы остались в Златограде...

Что я могла ответить на это? Ничего. Поставила кружку с отваром на пол у постели и молча вышла из дома.

Сумерки уже легли вокруг города, как стая волков, окружившая костёр, но не решающаяся напасть. Факелы не давали темноте накрыть дома. Очаги, лучины, восковые свечи обозначили тёмные днём провалы окон, создавая иллюзию ночной многоэтажки, которую кто-то положил на бок. Я подняла глаза к небу. Звёзды такие яркие, такие большие и далёкие... Луны почти не видно. Завтра новолуние. На новолуние хорошо подстригать волосы и переезжать.

Я правильно сделала. Я всё-всё сделала правильно! Ни о чём не жалею и не буду жалеть. Только о том, что не смогла спасти маленького мальчика. Но у каждого врача есть своё персональное кладбище, которое служит не только напоминанием о неудачах, но и толчком для развития, опытом, пусть неприятным.

Где-то блеяли козы, лаяла собака, где-то шумно фыркали лошади. Шелестела вода, поднимаясь из реки через стену. Кайя-Тиль, древний город великанов, ожил. Уж не знаю, сколько лет или даже веков он простоял пустым, но теперь в нём теплится жизнь. А где жизнь – там и смерть.

Озноб пробрал меня, и я взглянула на окна большого дома. Они были пусты. Кувшин лежал на боку рядом со скомканным рушником. Домовой принял еду.

Мне надо срочно поговорить с Бером. Быть может, он знает, как привадить домового. И заодно спросить у Мыськи, когда она уже собирается влюбляться в медведя. Потому что Беру осталось недолго без женской искренней любви.

В моем доме вкусно пахло пирогами. Забава хлопотала по хозяйству, а Голуба месила тесто в большой бадье. Тут же на соломе, на расстеленном одеяле лежали малыши. Отрадушка гулила, то и дело суя в рот деревянную игрушку – большую птицу. Волех уже сидел, то и дело заваливаясь на бок, если слишком смеялся, когда одна из женщин строила ему «козу» или притворно пугала.

– А где Мыська? – спросила я, оглядывая первый этаж.

– Со стариком сидит, – махнула рукой Забава. – Плох он, совсем плох.

Бер умирает. И маленький мальчик умрёт. Мы все умрём.

Я заглянула за занавеску, которую растянули, чтобы отделить семьи друг от друга. Бер лежал на импровизированном топчане, на матрасе из соломы, на чистых простынях, под

тёплым одеялом из разноцветных кусочков ткани. Лицо его, морщинистое и словно уже восковое, показалось мне маской в обрамлении длинных седых волос и бороды. Мыська, маленькая храбрая девчонка, пыталась кормить Хозяина Леса с ложечки:

– Ну же, Берушка, ещё немножечко, это за Волеха... Открывай рот! Вот так! А теперь ложечку за Отраду!

За Отраду ложечка уже не влезала. Бер устало прикрыл глаза. Мыська беспомощно обернулась на меня, в глазах её блеснули слёзы. Нет, милая, тут я тебе помочь ничем не могу. И так привела медведя буквально за ручку к невесте, остальное она должна сделать сама.

– Скажи ему, Мыська.

– Что?

– То, что ты чувствуешь. Скажи ему всё.

Она вздохнула. Отставив плошку в сторону, взяла старика за руку – дряблую и пегую от пигментных пятен на коже. Прижалась к ней щекой и тихонечко произнесла:

– Не оставляй нас, Бер...

Мыська, Мыська, я же знаю, я же вижу, что ты его любишь! Скажи ему об этом! Ну скажи...

– Кто будет заботиться о Волехе? Кто будет делать ему игрушки? Бер, не умирай! Моему сыну нужен отец...

Ну нет! Не так! Что за хождения вокруг да около? Иди напрямик, Мыська!

– Бер, Бер... Ты нам нужен! – она всхлипнула. Я начала

сердиться. Дура мелкая! Кому нам-то? Конечно, он нам нужен, конечно, мы все его полюбили, но от проклятья это Бера не спасёт! Его спасёт любовь девушки! А о проклятье не скажешь...

– Бер, ты... ты мне нужен...

– Скажи ему, Мыська, иначе он умрёт, – не выдержала я. Её опущенные плечи вздрогнули, словно от удара, и девушка повернулась ко мне:

– Как мои слова помогут спасти его?

– Слова – никак. Только то, что ты чувствуешь.

– Я... я не могу без него.

– Скажи ему об этом.

Я присела рядом с ней, положила руку на её ладонь, словно успокаивая перед важным шагом, и Мыська стыдливо склонилась ко мне, зашептала:

– Понимаешь, я шестое чадо в семье, пятая девочка. После меня ещё четверо младших... Меня замуж отдали, чтобы сбыть с рук и не кормить лишний рот... Мой муж, да может ему Велес счастливо переродиться в новое тело, был груб со мной, говорил, что я не стою тех коз и цыплят, которые он за меня заплатил! Но он был мне мужем, дал сына, погиб на болоте, собирая осоку, чтобы прокормить нас... Я никогда, никогда не смела бы сказать ему, что не могу без него...

– Мысенька, бедная моя девочка, – я погладила её по руке, сочувствуя, – Бер никогда в жизни не обидит тебя! Но

ты должна дать ему шанс показать себя. Если любишь его – скажи это. Поверь, просто поверь мне, так надо!

Она залилась краской, а потом тряхнула головой. Я могла поклясться, что в этот момент она подумала о маленьком Волехе. Ради сына женщина переступит через себя и своё воспитание, через свои страхи и стыд...

Мыська пересела поближе к Беру, наклонилась к нему и обняла маленьким натруженными ладошками его сивую голову. Я услышала жаркий шёпот:

– Я люблю тебя, Бер, всем сердцем люблю! Не умирай, поправься, и я сама упаду в ноги светлого князя, умоляя позволить мне стать твоей женой! Я буду тебе хорошей женой, обещаю... Только не умирай!

Я только выдохнула с облегчением. Ну вот, теперь проклятье будет снято! Бер спасён, ведь Мыська влюбилась в него... Но ничего не произошло. Во всяком случае, я ожидала чего-то грандиозного, в стиле Марвела: мгновенное преобразование, разглаженные морщины, спецэффекты и компьютерная графика... Нет. Только Мыська, тихо плачущая над стариком. Чёрт!

– Ничего, мы сделали, что смогли, – попыталась я утешить девушку, но она только дёрнула плечом:

– Иди, княгиня. Оставь меня с ним наедине...

Мне стало горько и больно. На самом деле, это просто слова. Ощущение было такое, что меня сейчас разорвёт изнутри от разочарования, от липкого страха, который наполнил всё

тело, как гелий надувает шарик. Я ошиблась. Я снова ошиблась.

Позже, уже после ужина, умывания, после того, как Ратмир заснул, я лежала, глядя в потолок каменного дома, и мучительно думала, то и дело чувствуя разряд безысходности, пронизывавший меня с ног до головы. Всё зря. Весь этот поход – полная глупости авантюра. Возможно, и потопа никакого не будет... Возможно, Мокошь ошиблась. Нет, скорее всего, она именно ошиблась. И Бер неправильно понял ведьмино проклятье. Или Мыська не любит его по-настоящему...

И во всём виновата, конечно же, только я. Самоуверенная залётная птица. Чужая. Правильно они все делают, что не доверяют мне. Я принимаю неправильные решения...

Вздох.

Стон.

Удивлённый возглас, приглушённый ладонью.

Тихий шёпот.

Я прислушалась, стараясь понять, что происходит за занавесками. Но не разобрала слов, не разобрала, кто говорит. Подняться и посмотреть я не могла – так не делается. Мало ли, может, Забава с мужем ребёночка делают... Вот и звуки соответствующие! Тяжёлое мужское дыхание, женское молчание в частых, почти беззвучных всхлипах, выдающий движения скрип повозки...

Я натянула соболей на голову, спряталась в сгибе плеча

Ратмира и зажмурилась. Пусть им будет хорошо. Пусть мне будет плохо.

А завтра настанет новый день, и я подумаю, как всё исправить.

Глава 4. Что творится в этом городе?!

Март, 5 число

Я проснулась ещё до рассвета. Встала. Непреодолимое желание появилось посмотреть, кто же ночью расслаблялся, и проверить, жив ли ещё Бер.

А ещё у меня сложился план.

Мы выживем все. Мы не умрём, мы справимся. Но действовать нужно всем вместе. Для этого мне нужно поговорить с основными зачинщиками ненависти ко мне по отдельности. Убедить их в моей чистой совести и искренности намерений...

Одевшись, я кое-как пригладила отросшие за зиму волосы и заплела их в косу. Вообще-то мне полагались две косы и кика или княжий кокошник, но ещё в Златограде я отказалась их носить. Забава уговаривала, убеждала, но я не сдавалась. Щас я им тут в кокошнике рассекать буду...

Все ещё спали. Даже дети сопели во сне. Я двигалась очень осторожно, чтобы никого не разбудить, наверное, ещё и потому, что не хотела никого видеть. Не сейчас. Мне нужно немножечко побыть одной. Это вполне справедливое и законное желание! И так сидим друг у друга на головах, и так два месяца кучковались у костров и на телегах!

На цыпочках я пробралась к повозке, в которой спали Бер и Мыська с малышами. Отогнула край занавеси, заглянула. Думала, сердце остановится!

Он повернул голову, улыбнулся мне и, высвободив руку, приложил палец к губам. Мыська спала в сгибе его локтя, одеяло сползло, обнажив её маленькую, но упругую и налитую молоком грудь. Закрыв рот ладонью, чтобы не вскрикнуть от радости, я кивнула ему: мол, что как? Бер аккуратно, очень аккуратно освободился от веса Мыскиной головы и соскользнул с повозки. Я отошла к очагу, почти потухшему за ночь, и подкинула маленькое полешко, чтобы чуть оживить огонь. Сзади послышались шаги, я обернулась.

Он был таким же молодым красавцем, как в первый день, когда я встретила его. Правда, одет похуже: в длинную рубашу поверх штанов. Босоногий. Ноги почти медвежьи – широкие, плоские, с корявыми ногтями и заросшие шерстью. Но они его не портили – ведь улыбка осталась широкой и лучистой!

– Бер, как же я рада за тебя! – сказала искренне и протянула руку, чтобы потрогать широкий торс. Убедиться, что он настоящий...

– Пойдём наружу, – шепнул медведь. – Хочу вновь ощутить себя живым.

Выбравшись на улицу, мы встали на пороге. Небо было ещё тёмным, но за стеной, над рекой, над полосой далёкого леса на том берегу, оно уже светилось оранжевым отблеском

восстающего из небытия солнца. Люди не знают, что Земля вертится вокруг Солнца. Они думают, что светило это бог и каждое утро оно встаёт, чтобы посмотреть на людей, а каждый вечер ложится спать в своём доме, который находится на краю земли. Антинаучно. Зато красиво. Я живо представила, как большой бородатый старик Солнце потягивается в своей кровати, открывает глаза и готовится встать...

– Благодарю тебя, травница.

– Не за что, – ответила я тихо.

– Ты спасла меня от проклятья. Ты дала мне вторую жизнь. Ты подарила мне преданную и любящую жену. Я думаю, есть за что.

– Если ты... Если ты когда-нибудь причинишь Мыське боль... – я запнулась. – Если ты её не любишь, если захочешь расстаться...

– Лучшей жены я никогда не нашёл бы.

Я кивнула. Неважно. Любовь это всего лишь привязанность. Это невозможность жить без другого. Стерпится-любится. Вот и небо светлеет. Вот и цвета возвращаются в мир. Скоро станет тепло, скоро на чётко очерченных полях у стены заколосится рожь и полба, скоро окотятся козы...

– Станный город, ты как думаешь? – спросил Бер, оглаживая ладонью стену дома. – Тяжёлый камень. Большие дома. Высокая стена.

– Станный, – согласилась я. – Но это не иреане построили его. И здесь есть домовый!

Я обернулась к Хозяину Леса, схватила его за руку:

– Ты должен мне помочь! Поговори с домовым!

– Что за домовый такой? – удивился Бер.

– Я тебе покажу. Это точно нечисть, потому что люди его не видят. Я дала ему еды, как это принято у меня. То есть... Ну ты понимаешь, я никогда не верила в нечисть до того, как попала к вам...

Бер рассмеялся задорным молодым смехом и испуганно закрыл ладонью рот, оглянувшись на дом. Я потянула медведя по улице:

– Пойдём, пойдём! Он в главном доме, в самом большом! И не пускает нас туда!

– Думаешь, он меня послушает?

– А кого ещё? Ты же главный над лесной нечистью! Может, он тебя примет за шефа?

Бер фыркнул и помотал головой, но за мной пошёл.

Две минуты спустя мы стояли перед большим домом, пялясь на чёрные провалы окон. Я подтолкнула Бера локтем:

– Позови его!

Он пожал плечами, но вытянул руку к окну. Ничего не произошло. Или мне показалось, что ничего не произошло. Но потом я услышала, как Бер шепчет: «Выйди. Покажись. Выйди. Никто тебя не обидит».

С ума сойти! Я могу слышать то, что не слышит никто!

Но где же домовый? Не видно. Не хочет, видно, разговаривать с Бером. Как же его выманить? Мне показалось, что

что-то мелькнуло в глубине дома. Это он! Это домовой! Ну выходи же, выходи!

– Светлая княгиня!

Я обернулась, матерясь про себя. Спугнули! Со стороны домов ко мне шёл Тишило – решительно, быстро, придерживая меч рукой, чтобы не бился о сапог. Мысленно обругав его всеми известными мне плохими словами, я спросила резко:

– Чего тебе?

– Мальчишка пропал. Тот самый, больной!

– Какой больной? Мой больной? – не поняла я. – Но он же умирал!

– Мать сказала, что утром не нашла его рядом с собой.

Мы в одном доме поселились...

– Он не мог уйти! У него нет сил на это!

– Мне организовать поиски?

– Да, надо его найти.

Я нахмурилась. Куда мог пропасть умирающий мальчишка пяти лет? Если только...

Если только домовой его не унёс. Правда, мне не приходилось слышать о домовых, которые крали детишек... Но я много чего не знаю, так что любые допущения возможны.

Мы обыскали весь город. Весь. Могли бы – и камни бы подвигали, чтобы посмотреть под ними. Но мальчика не нашли.

Более того: в результате поисков выяснилось, что пропали ещё трое. Старуха, молодой дружинник и беременная жен-

щина. Я не знала, что и думать. А люди смотрели на меня, словно спрашивая: как же так? Эх, милые мои, если бы я знала, как так... Мне самой страшно. Очень страшно! Даже Ратмир сказал тихо, чтобы никто не услышал:

– Ты вся серая, Руда. Иди отдохни. Не кори себя, ты не виновата.

Я виновата. Я привела людей сюда. В этом городе творятся странные дела, а ведь мы и суток тут не прожили! Решительно отметя предложение отдохнуть, я пристала к Беру:

– Ты должен выманить домового! Я уверена, что без него тут не обошлось!

Медведь почесал за ухом и, оглядевшись, сказал:

– Бойтся он показываться. Не верит мне.

Прекрасно! Чудесно! Как быть-то? Я увлекла его подальше от горожан, которые с неохотой вернулись к своим занятиям, и зашептала:

– Надо спросить его: он ли украл наших людей? Понимаешь? Если это он, то зачем. А если не он, тогда...

– Что тогда, травница?

Я покачала головой. Даже Бер, даже нечисть не понимает, в чём дело. А если уж и он... То, значит, всё очень плохо! Значит, мы столкнулись с чем-то гораздо более древним, чем даже иреане.

Если, конечно, пропавшие не решили своим ходом вернуться в Златоград.

Но эту мысль я тут же отмела, как идиотскую. Лошади бы-

ли все на месте, телеги тоже. Пешком тащиться обратно две тысячи километров? Глупо! Значит, люди пропали здесь, в городе. Не зря, ой не зря ворота не желали открываться перед нами. И зря я не послушала Ратмира. Надо было идти дальше, мы обязательно нашли бы пригодное место для основания нового города.

– Травница!

– Я задумалась, – ответила Беру. – Тогда, дорогой мой Хозяин Леса, мы стоим перед дилеммой.

– Перед домом мы стоим, – буркнул он.

– Согласна. Но и перед дилеммой тоже, – усмехнулась невесело. – Или снимаемся с места и идём дальше, или остаёмся здесь и каждое утро пересчитываем людей. Сейчас нас двести девяносто два человека... Ой, нет, двести девяносто один и один нечистик!

Мне хотелось хоть как-то взбодриться от страшных и упаднических мыслей. Хотелось пошутить. Бер понял, взял меня за руку, сказал:

– Скоро будет двести девяносто два.

– Что?

– Ничего.

Я подняла на него взгляд. Карие тёплые глаза светились лукавством. Я прищурилась непонимающе:

– Что ты знаешь, чего не знаю я?

– Я не должен тебе говорить, травница!

– А я не должна была тебе подсовывать Мыську!

– Ты бьёшь по больному, эй!

– Отвечай!

Медведь взрыкнул, но не зло, а скорее из вредности. Потом наклонился ближе, сказал на ухо:

– У князя будет наследник.

Что?

Наследник?

С кем?

Я непонимающе смотрела на медведя, а Бер рассмеялся тихонько, добавил:

– У тебя будет наследник! Маленький ведьмак!

У меня?

Господи...

Я машинально приложила руку к животу, опустила взгляд на него. Не могла поверить. Нет, конечно, я знаю, что от незащищённого секса рано или поздно случаются дети, но сейчас? Когда? Когда именно мы зачали ребёнка? Может быть, Бер ошибся? Где мой волшебный рентген? Смогу ли посмотреть на себе, как делаю это на других?

Паника охватила меня. Не та пустая паника, когда можно успокоиться и подумать о проблемах и способах их решения, а самый настоящий животный страх.

– Нет, мамочки, нет... – прошептала я и, развернувшись, быстро пошла обратно к дому. Бер озадаченно смотрел мне вслед. Наверное, ещё никогда не видел такой реакции на беременность. Ну а как по-другому то? Не время сейчас, ох не

время!

Пока я шла, в голове вертелись все известные мне признаки беременности. Тошнота, отсутствие месячных, увеличенная грудь... Пока ничего этого нет. Или срок маленький, или Бер ошибся. Конечно, он нечисть, но как он может знать такое? Нет, надо проверить. Матку обследовать не получится – некому. Тесты на беременность придумают через десяток тысяч лет. А вот мой рентген... Я попробую. Получится или нет, вот в чём вопрос!

Ворвавшись в дом, я метнулась в поисках Забавы и нашла её за занавеской. Женщина шила рубашечку для Отрады. Только подняла на меня взгляд и посмотрела удивлённо. Я замахала руками:

– Ни о чём не спрашивай! Есть у нас зеркало?

– Что это ещё за приبلуда? – проворчала ключница, перекусив нитку. – Вечно ты что-нибудь придумаешь...

– Ну, полированное... Поднос! Не знаю... Что-нибудь!

– Есть глядеище. Хочешь?

– Покажь, – потребовала я. Забава поднялась и, кряхтя, полезла в сундук. Достала из него самое настоящее зеркало, только не из стекла со слоем отражающего покрытия, а из какого-то светлого камня, напоминающего янтарь, отполированного до идеальной гладкости. В нём отразилось моё лицо со смесью решимости и вдохновения. Я задёрнула занавеску, вздохнув:

– Ладно, сойдёт. Держи так, чтобы я видела.

Повернув её руки с «зеркалом», я задрала подол платья, рубашку, обнажив живот. Вдохнула-выдохнула, чтобы успокоиться. Ну, давай, Дианка, сосредоточься!

Руки скользнули по животу, в самом низу, в женском месте. Кожа нагрелась, стало приятно и чуть щекотно. Но я ничего не видела. Всматривалась аж до боли в глазах и чуть не плакала от обиды. Ну почему, почему не работает на мне?

– Да что ж ты увидеть-то хочешь, милая? – с жалостью спросила Забава, а я только головой мотнула, смаргивая слёзы. И вдруг мне показалось каким-то боковым зрением – зелёненькое блеснуло и исчезло. Я потёрла глаза кулаком, широко распахнула их. провела ладонями по коже живота, будто хотела раздвинуть её. И увидела. Пульсацию. Зелёное бие-ние сердца. Крохотного сердечка. Как будто маленькая точка ритмично превращается в запятую, и снова становится точкой...

– Руда! Что ты видишь? – замороженно спросила Забава. Глядеище двинулось вниз, скрывая вид зелёной точки и очертания крохотного бесформенного тельца. Я выдохнула, вспомнив, что надо дышать, и сказала:

– Наследник... У нас будет ребёнок.

– Ой, Мокошь-матушка... – пролепетала Забава. – Неужто дождётся Ратушко своего наследника!

– Дождётся, – мрачно ответила я, поправляя платье. – Если этот город позволит...

– Что ты говоришь такое?

– Пропали четверо. Просто исчезли с концами...

– Мокошь-матушка, – повторила Забава, опустившись на объёмный зад и прижав ладонь к сердцу. – Спаси нас и сохрани!

А я подумала, что Мокошь не поможет. Она и так сделала для нас слишком много. Теперь выпутываться придётся самим.

– Надо спать по очереди, – пробормотала я, думая совершенно не о том, о чём надо. Надо думать о ребёнке, как его сохранить, как родить, о господи, в этой антисанитарии! Я уж точно не смогу себе помочь в родах, я не хочу рожать здесь!

– Руда, как же мы, бабы... Как детки наши? – всполошилась Забава, а я тяжело вздохнула ей в унисон:

– Вот как? Не могу понять, куда они подевались... Все мозги себе уже продумала, дырку в них натёрла!

– Давай-ка, милая, поешь, – спохватилась ключница, вскочила, отложив глядеище, потянула меня к очагу. – Поесть при таких волнениях – это первое дело!

Я подчинилась, уверенная, что не смогу проглотить ни кусочка. В голове творился сумбур. Мысли в вялой панике слонялись вдоль извилин и изредка натыкались друг на друга, вспыхивая и сгорая. Я не понимала ничего. Совершенно ничего. Как дальше жить? Как выжить? Как смотреть в глаза родным пропавших? Как сделать так, чтобы больше никто не пропал? Как приручить домового? Как понять, что про-

исходит в городе?

Как?

Как?

Как?

Мне сунули в руки плоску и кусок хлеба с чуть подсыревшей корочкой. Хлеб у Голубы всегда выходил хрустящий и ароматный. А тут – серый неподнявшийся... Чтоб у Голубы да хлеб не поднялся! Видно, она потрясена до глубины души!

И правда – повариха едва заметно вытирала красные глаза. Я спросила:

– Что с тобой, Голуба?

– Ох, матушка княгиня, – всхлипнула женщина. – Сон мне приснился... А мне на новую луну завсегда сны в руку снятся!

– Что за сон, Голуба?

– Ох, не проси, не скажу, – отмахнулась она. – Ежели скажу – сбудется точно!

– Голуба! – я повысила тон. Женщина отвернулась, завозилась у очага. Я глянула на Забаву. Ключница пожала плечами:

– Сбудется ж...

– Голуба, лучше знать заранее и подготовиться. Говори, что тебе там снилось.

– Змеи, матушка!

– Какие змеи?

– Огромные аспиды! Вот такенные! – и Голуба подняла руки кверху, высоко над головой. – Изо всех щелей как по-вылазили, как зашипели! И нас всех пожрали...

Она задрожала, и на лице её отразился такой страх, что я мысленно выругалась. Вот только змей нам тут и не хватало!

Я встала. Меня трясло, пришлось унять дрожь в руках и сказать твёрдо:

– Значит так. Отставить глупости! Никаких змей! Никаких снов! Слушайте меня внимательно. Установите очерёдность дежурства. Спать строго по очереди! Поняли меня?

Бабы закивали меленько. Мыська с Отрадушкой на руках спросила из повозки:

– Светлая княгиня, ежели я спать не буду, у меня молоко пропадёт...

– Ты спи, Мыська. Детей к себе привязывай на ночь, поняла? И не бойся.

Отставив плошку с нетронутым супом, я нахмурилась:

– Прорвёмся.

Глава 5. Вересковая пустошь

Апрель 25 число

– Смотри, Отрадушка, это большо-ой дом! – я показала на центральное, всё ещё неприступное нам каменное строение. Девочка проследила за моим пальцем, взмахнула ручкой и сказала:

– А!

– Да, это дом, – с улыбкой повторила я. – Там живёт большо-ой домовой!

– А-а!

– Да, вот такой большой домовой! А вон дядя Тишило, он несёт ведро с водой. А вон твой папа, он с дядей Буселом рисует карту...

– А! А!

– Да, скоро у нас будет карта местности, и мы начнём осваивать новую землю, понимаешь, Отрада?

Её изумляло всё, что она видела. В свои почти шесть месяцев Отрада росла крепкой и здоровой, уже садилась и даже пыталась ползать, если её клали на животик. А ещё неделю назад она выдала первый зубик, и ночами, когда маленькая княжна вопила и не желала спать, её укачивали всем домом по очереди. И именно тогда я начала брать её с собой на улицу. Бродила с малышкой по тёмному спящему городу и разговаривала с ней. Мне казалось, что через неё я говорю

с собственным ребёнком.

Но всё прошло, зубы продолжали резаться, однако плакать по ночам Отрада перестала. А я всё равно носила её везде. Да и Мыське так было легче. Она, конечно, смотрела на меня странно, когда я велела Голубе протирать через сито варёную репку и их белёсую морковку для детских пюре. Но на примере Волеха видела, что мои советы по развитию детей дают свои плоды. Я не изучала педиатрию специально, но про прикорм и выкладывание на живот знала. Оба малыша росли, как на дрожжах, и Бер мастерил для них игрушки по моему указанию. Были у деток погремушки, чесалки для зубов, хитрые штучки для извлечения звуков...

Отрада прислонилась ко мне, пряча личико на груди.

– Устала, маленькая моя? – спросила я и кивнула: – Сейчас пойдём спать. Подожди только, я поднимусь наверх, погляжу...

И направилась к городской стене. Сзади меня догнал голос Мыськи, которая топала с Волехом на руках:

– Княгиня, куда же вы с маленькой-то?

– Ничего, Мыська, я туда и обратно, не бойся, – весело ответила я няньке и, прижав одной рукой малышку к себе, другой взялась за перекладину лестницы.

Плотники установили галерею по всей длине стены. Памятуя о выбоинах в камне, сделанных лазером, Ратмир решил установить дежурных на трёх сторонах города, выходявших на реку. Правда, лестницы ещё неудобные, но мне не

привыкать. Платье пришлось подоткнуть за пояс, и я медленно, но верно взобралась на галерею.

Вид со стены открывался, конечно, шикарный. Река шумела, гнала волны на юг, пенила камни внизу, беспечно и беспощадно уносила время куда-то в края, о которых мне ничего не было известно. Я уже давно решила, что это Волга, поэтому в мыслях так и называла её. Другой такой же широкой реки я не знала. Хотя это могли быть и Кама, и Обь, и Иртыш, но Волга была мне ближе к сердцу.

– Смотри, Отрада, это река, – тихо сказала я. Девочка сунула в рот кулачок и зачмокала. Мы стояли обе и смотрели. Влажный ветер легонько трепал мои волосы, и я прикрыла малышку от прохлады покрывальцем. Дружинник, подходя к нам, заметил:

– Непокойная вода что-то.

– Главное, чтобы не было чужих кораблей, – философски ответила ему я.

– Пока не видать, – с ленцой протянул он, кивнув на горизонт, где темнел лес: – Вона, луга какие на той стороне. Туда бы скотину пастись...

– Нет моста – нет лугов, – усмехнулась я.

– Чудные эти великаны. Построили бы город на другой стороне...

И он, недовольно качая головой, пошёл обратно по галерее. Я прищурилась. Действительно. На другой стороне такие луга, такие выпасы... Да и вообще – не могли же жители

постоянно торчать в городе? Ведь должны были с соседями общаться, ездить куда-нибудь... Не могли же они постоянно огибать просеку? Я бы мост соорудила. Вот тут и соорудила бы. А что? Как раз на другую сторону можно перейти.

– Ты бы перешла здесь, Отрада? – задумчиво спросила я у девочки. Та агукнула сонно. Да уж, помощи от неё пока никакой. Всё самой придётся, всё самой.

Я положила руку на камень, погладила его шероховатую поверхность. Какие ещё тайны ты хранишь, древний город? Открой мне их, не стесняйся, я своя. Камень нагрелся от тепла кожи, и мне показалось, что воздух над ним колеблется. Не настолько же я горячая женщина, чтобы тут всё жаром пышало! Что за ерунда такая? Наклонившись, я заглянула за стену, придержала Отраду за голову. Из отворота рубашки вывалился оберег – осколок первой жизни. Я не успела подхватить его, и он глухо стукнулся о стену. Зазвенел. Я напряглась – снова этот никому не слышимый звон! За ним должно последовать какое-то открытие. В прошлый раз это были ворота города.

А в этот...

Над стеной задрожал воздух, и откуда-то выпрыгнул каменный брус. Я взвизгнула и отскочила. Чуть было не свалилась с галереи, но схватилась за поручень. Тот оказался крепким – мужики на славу сработали, а брус куда-то спрятался. Дружинник уже бежал ко мне, вскинув меч:

– Что, княгиня? Что?

– Ничего, – я ошалело помотала головой и глянула на Отраду. Та хлопала глазёнками – зелёными, как у матери – и смотрела на меня, испуганно вытянув губы в трубочку. – Ничего, кроха моя, ничего. Всё хорошо! Пойдём-ка к Мыське, солнышко, она тебя спатушки уложит.

Прижав её к себе, я принялась спускаться. Внизу кормилица изнывала от страха:

– Княгинюшка, что там было-то? Чего кричала?

– погоди, Мыська, не сейчас! – буркнула, передавая ей Отраду. – Поди уложи малышей. Я скоро.

Проигнорировав её заполошный взгляд, полезла снова на галерею. Сжала в ладони оберег и решительно пошла к стене.

– Хозяйка, хозяйка! Ты меня забыла!

Глянув вниз, я увидела Лютика. Он подрос, вытянулся и стал похож на маленький нескладный велосипед. Толстые лапы, худощавое тело и лезущая клочьями шерсть. Наклонившись, я почесала его по холке, стараясь убрать зимний подшёрсток, и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.